

СВЕТЛАНА КРЮЧКОВА:

Развлекаться желают те, кто не хочет думать

23 октября на сцене Центра оперного пения Галины Вишневской состоится премьера международного театрального проекта "Квартет" по пьесе Р.Харвуда. В спектакле, поставленном Романом Мархолиа, заняты Барбара Брыльска (Польша), Кахи Кавсадзе (Грузия), Игорь Дмитриев и Светлана КРЮЧКОВА (Санкт-Петербург). Мы попросили Светлану Николаевну поделиться впечатлениями от процесса работы над весьма оригинальным проектом, а также теми ощущениями, которые рождает состояние "свободной" актрисы.

— Спектакль "Квартет" делал режиссер Роман Мархолиа, быть может, не слишком известный в Москве. Но я видела немало его работ, и три года назад у нас возникло взаимное желание сотрудничества. Правда, тогда мы не нашли денег. И вот спустя какое-то время Мархолиа принес мне пьесу "Квартет", прочитав которую, восторга я, честно сказать, поначалу не испытала. История эта показалась мне слишком частной, достаточно за бытовленной.

Но Мархолиа — человек увлекающийся и увлекающий, европейски образованный и прекрасно знающий мировой театр. Он сделал свой, сокращенный вариант пьесы и, как всегда, победил меня. С горящими глазами он высказывал совершенно замечательные идеи и предложил некий синтетический жанр. Название пьесы Харвуда имеет в виду знаменитый Квартет из оперы Верди "Риголетто". Мархолиа захотел ввести в спектакль молодых оперных певцов. Там звучит замечательная музыка Николая Морозова, стихи Р.Киплинга, Э.Дикинсона, положенные на эту музыку. Какие-то вокальные номера исполняем мы сами.

— Как возникла идея сделать интернациональный спектакль?

— Кажется, я сама три года назад это спровоцировала. Я тогда сказала Мархолиа: а почему мы имеем в виду только русских артистов, есть же литовцы, грузины. Идея эта как бы повисла в воздухе. И теперь Роман к ней вернулся. Это хорошая идея, ведь то, что происходит на сцене, не имеет национальных примет. Это все о жизни, о человеке, о художнике, в какой бы стране он ни жил. И мы не только не скрываем того, что мы — люди разных национальностей, но подчеркиваем это. В спектакле, например, есть эпизоды, которые Брыльска ведет на польском языке, а Кавсадзе — на грузинском.

— Спектакль о пожилых актерах настраивает на грустный лад?

— Самое главное, что он получился светлым. Конечно же, там есть тема одиночества, поскольку действие происходит в доме престарелых. Но речь-то идет о борьбе с этим одиночеством, о преодолении его, о милосердии и огромном значении человеческого тепла.

— Чем вас привлекла ваша героиня?

— В таком качестве на сцене меня не видел никто и никогда. Все привыкли, что я играю сильных женщин, даже ярлык приклеили — "танк". Кому это в голову пришло? А здесь у меня совершенно другая роль и возможности иные — нежные, тонкие. Моя героиня — человек потерявшийся, очень одинокий, светлый. Герой Кавсадзе говорит: "У нее лицо как у ребенка, а улыбка светится даже в полной темноте". Хотя она, конечно, немножко с крышей не дружит. Такой большой ребенок с парадоксальными, наивными реакциями. И в то же время есть бо-

С.Крючкова

левые точки. Перед финалом вдруг она становится адекватной и прекрасно говорит, как ощущает себя в этом мире.

— А как ощущает себя в этом мире актриса Светлана Крючкова?

— Артисткой Большого драматического театра, числящейся в труппе, но без единой роли.

— Почему?

— Этот вопрос не ко мне. А почему Нина Усатова играет одну лишь крохотную роль матери Луизы в "Коварстве и любви"? Играет замечательно, но это не роль для артистки такого масштаба. Так складывается ситуация в БДТ.

— Но вы не решаетесь уйти?

— Это мой дом. И я его люблю. Хотя очень обидно. Мы раньше говорили: я иду домой, или ты был сегодня дома, имея в виду театр. Но это был театр Товстоногова. И атмосфера там царила особенная. В этом доме люди занимались только творчеством, и ничем другим.

— Сегодня все изменилось?

— К сожалению, ситуация сейчас такова, что большие артисты, за исключением Басиладзиви и Фрейндлих, не играют ролей своего масштаба. Но сидеть и ждать, пока пройдет жизнь, нельзя. Она уходит очень быстро, мне уже шестой десяток. Через два года у меня пенсия, на которую, полагаю, меня с радостью отправят.

— Театральная жизнь Петербурга сильно отличается от московской?

— У нас она идет немножко по другим законам. Я смотрю, в Москве играют артисты в трехчетырех театрах, и это воспринимается нормально. А в Петербурге этого не любят, главные режиссеры театров считают артистов "своими". Меня в Питере никто не приглашает на роль в другой театр. И Виктора Сухорукова два года не приглашали, когда он ушел из Театра комедии. По-моему, это просто бесхозяйственное отношение к артистам. Мы же умрем. Но пока-то еще владем мастерством, и надо этим пользоваться, потому что люди хотят нас видеть. А что получается? Смешно...

— Вы часто играете в Москве. А у актеров БДТ в столицу дорожка проторенная. Последовать их примеру не хотите?

— Я могла бы уехать в Москву хоть завтра. Тем более что столичные режиссеры меня "видят", слава Богу. Но я так привязана к Петербургу, и дети мои тут родились.

— Чем занята в любимом городе неиграющая актриса БДТ?

— У меня есть Театр-студия Светланы Крючковой, правда, без крыши над головой и без финансирования. Но мы играем два спектакля, в одном из которых — "Прекрасен, чуден божий свет" — у меня главная роль, а вместе со мной на сцене — мои ученики. Второй спектакль, "Домой" по пьесе Людмилы Разумовской, я поставила сама. Его тема — беспризорные подростки, а посвящен он памяти Янки Дягилевой. Играем пока на арендованных площадках два раза в месяц. Декорации храним в нашем гараже. На наше счастье спектакль увидел Андрей Георгиевич Ананов (для которого нравственное становление

подростающего поколения России тоже небезразлично) и неожиданно для нас предложил реально помочь — предоставил помещение, где мы сейчас репетируем следующий спектакль и имеем возможность хранить костюмы и реквизит.

— Не столь давно вы занялись педагогикой. В каком учебном заведении?

— Сейчас не имеет значения, где ты учишь. Название вуза ни о чем не говорит. Я преподавала в гуманитарном университете профсоюзном, где за кафедрой был Зиновий Яковлевич Корогодский. Набрала курс в количестве 45 человек, со мной остались 15. Играют в нашем театре.

— Как вы ощущали себя в качестве учителя?

— Это была немножко авантюра. Но потом выяснилось: и заложенное в меня мхатовскими мастерами, и 14 лет работы с Товстоноговым даром не прошли. Хотя педагогика — это очень тяжелый труд, если к нему относиться добросовестно. Я считаю себя ответственной за них.

— Раньше вы выступали с сольными концертными программами. Сейчас это продолжается?

— Конечно, я это очень люблю. Читаю русскую поэзию XIX и XX веков.

— Этот жанр востребован публикой?

— Ну, денег, конечно, на этом не заработаешь. Часто выступать нельзя. Но когда я впервые работала в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии, то была очень удивлена. Тысяча триста мест были заполнены. И еще меня поразил возрастной контингент публики: половина зала — молодежь, вторая — люди после сорока. Понятно, что 30-летние — самые работающие, им не до стихов. Среди зрителей был даже 11-летний мальчик, который все это высидел, а потом пошел ко мне за автографом.

А вообще, что значит востребовано или нет? Есть фраза, принадлежащая Чехову, которую я очень люблю повторять: "Не надо гололя опускать до народа. Надо народ поднимать до гололя".

— Но развлекательный жанр тем не менее очень любим публикой.

— Это зависит от того, кто чем озабочен. Мне периодически предлагают, например, участвовать в каком-нибудь финансово выгодном, но сомнительном с точки зрения качества проекте, но я пока отказываюсь, хотя это были бы легкие деньги. Там даже напрягаться не надо. Пошлости много, смеха много, но зачем мне это на старости лет? У меня есть свой зритель, и мне не хотелось бы его обманывать. Они идут "на меня", имея в виду некий знак качества. Пусть их будет меньше, но они не разочаруются. Наоборот, увидят что-то новое, что-нибудь для себя откроют.

Развлекаться желают те, кто не хочет думать. А ими управлять гораздо удобнее. Я считаю, что такова сейчас государственная идеология. Вся эта абсолютная бессмыслица, абракадабра и пошлость, которая идет на сценах очень часто, особенно в антрепризах, поощряется на государственном уровне, мне так кажется. Дебилами управлять легко, а думающие люди начинают задавать вопросы.

— Сегодня даже сами молодые авангардисты утверждают, что классику стоит временно положить на полку.

— А мы будем показывать со сцены факи, попы, писуары... Мы играем спектакль "Домой" на тысячный зал "продвинутой" молодежи. Играем на аншлагах и ничего не делаем специально для того, чтобы молодежи понравиться. И эта молодежь потом приходит еще и еще раз (однажды даже один из них поцеловал мне руку, на улице я бы от него шарханулась). Почему нужно их выставлять примитивными идиотами? Не знаю...

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА

ручьи — 2008 — 16-11-08 — С. 11